

Мечта стать актрисой
 развивалась вместе с Любовью—
 Любовью Сергеевн
 Соколовой— в Иваново—
 Вознесенске. Театральные
 грезы качались с карусели,
 которую велики робко
 Соколовой, потогоненные
 краснойверевки.
 Замысловатые карусели с
 иврушками и другие
 авторские вещи,
 задуманные наложки,
 превратились в гробы,
 особенно актуальные во
 времена коллективизации—
 далее всейда.
 Актриска карусель
 высоко поднимала
 и стремительно кидала
 вниз. По законам
 аттракциона.
 Актеры замучивают
 слова, роли, размырывают
 сцены из разных эпох,
 которые им и не стилились.
 Эпохи в свое очередей, то
 ли мста, то ли шута,
 размырывают актеров.
 Персонаж, исполненный
 трагически, может через
 эпохи такое количество лет
 оказаться комически. И
 наоборот. «Эпоха
 Советская» всегда с пути
 истинного не одного актера,
 режиссера—Художника.

Любовь СОКОЛОВА:

«Никто не вечен, надо успеть быть...»

— Хороший парен, спился, умер... Настоящая актриса, пила, умерла равно... Погиб, пил, молодой, талантливый... Любовь Сергеевна перестывает личным фотографом. Лица, незнакомых широкой публике, на снимках почти нет... Следите за процессом... — говорит Любовь Сергеевна.

Процесс — это শেষ или десять или шестнадцать фото в роли. Пробы с повестью прищипки. Потом еще столько же варточек с разными костюмами. Процесс складывается воедино. Результат всем известен. Простым переосмыслением фильмом с участием Соколовой могло бы начаться и закончиться интервью. Так что добрая половина, в прямом и переносном смысле, «Эпохи Советской» сошлась в емком абзаце Кирилослова, посвященном Соколовой Л. С. Пользуясь журналистскими штампом — «расшифровка сухих строк академического издания», я хочу угадать, что стоит за сокращенным титлом «В 46 г. окончила ВГИК».

— То есть ученичество выпадает на 40—50-е?
 — Закончила в 46-м году в Москве. Училась в Алма-Ате. А поступала в 40-м в Герасимову в Ленинграде. Поступать стала без оговора, чемодан с имуществом остался дома. Подруга дождалась в Ярославле. Потом я еще много раз смотрела влед «моему» поезду, махала с земли самолетку.

— К экзаменам успела?
 — Да. Но в институт Герцена, на филологию. Преподаватели были из «бывших». Учили высокому уровню русской литературы и умению ему соответствовать. А на границе с Ленинградом, с городом, где много урны было напряжительно кичуть стичку, — шла война.

— Финская война не внесла изменения в расписание?
 — Было беспорядочно и ограничения, заклеенные окна. Но страха не испытывала. Даже когда Герасимов объявлял набор в первую мастерскую при «Ленинфильме». Из трех тысяч, подавших заявления, поступили 23, в том числе и я.

— Герасимов уже был ГЕРАСИМОВЫМ?
 — Нет, хотя поставил уже и «Семеро смежных», и «Учителя». Но Тамара Федоровна...

(Любовь Сергеевна улыбается, но тему не развивает. За весь разговор никаких подробностей. Простыми фигурируют только в рассказе о съемках одного из фильмов: мокрое око вымышились на окне — иначе можно было задохнуться. В дикую жару снимали в интерьере).

— Мастерская была интернациональная и провинциальная. По субботам в воскресенья — музеи и театры, с бутербродами — на средства Мастера. Вечера в Доме Учителя (Юсуповский дворец). Маринина с Улановой, Дудинской, Сергеевым. Одновременно с техникой речи — тренировки по «держанию выдыхи». На курсе воспитательница — она же Класная Дама.

— Тяжелые первые этюды в городе «стройном и строгом» после «иваново-вознесенской вольницы»?
 — Уроки начала в «школе и дома». Родители мужа в семье говорили по-французски. Вечера со Скрибяным... Потом война. Работала слесарем по металлу. Я сказала: «уведем, город запылен мертвецами». «Нет, нет, отпым», — сверлов мне не верила. Потом, умирая, просила прощения за сына, которого не отпустила. Кто-то уже погиб. Я пошла на Финляндский вокзал. Много людей, семей, на вещах, с детьми — подумала спят. Все они были мертвые. Выехала чудом. Был освобожден Тихвин. Я поехала «куда выведет», и добралась до мамы.

(Любовь Сергеевна показывает удостоверение, по которому давали мужу за завтраку по имени жажки. Штампы жажки: Черупецев, Бабоево, члса, печать, подпись).

— Сначала пришла к соседям. Они склонили за мамой. Потом вдомой. Мама шла вперед. Я за ней не успевала. «Люба-а» — голос пылал из тумана. Дистрофия нарушает слух. Ни вкуса, ни запаха. Лежала... Потом была весна, птички, цветы. Я помнила бабушкину молитву о хлебе. К ней добывала о тепле и воде. И с тех пор большого не желала и не хотела.

(Любовь Сергеевна обводит взглядом комнату. Своё бодуно от быта, с дегтями на окне. На балконе, к слову, прилетевшая ворона. Обед для нее давал тот).

— В 43-м я снова собралась учиться. Приехала в Москву, пришла во ВГИК. Но сам ВГИК был через всю страну — в Алма-Ате. Я аехала к маме. Попала под бомбежку, испугалась. Мама сказала: решила — поезжай. В Алма-Ате приняла великая артистическая семья: Пыхова, Бабиков — ученики, подлетки Станиславского. Антеры что-то ставили. Художники подделывали продюльственные карточки. Берулись в Москву. Кончилась война. Все бандити куда-то, одним потоком и кричали: «война кончилась, война кончилась!!!» Закончила институт. Жить было нелегко — пропалась в театре. Училась в живую. Стоя за кулисами, на репетициях, на спектаклях Лядиной, Смирновой Серовой, Столярова, Крючкова, Цесарской. Мы благодарели. Ни от какой работы не отказывались. На «Мосфильме» студенты

входили массовой. После войны искусство пережило расцвет.

(Кирилослова: «В 46—51-м работала в Театростудии киноактера»). 51-й — не конец расцвета в вашем театре?

— Но в 51-м году театр закрыли. Без объяснений. Никто я не спрашивал. Послевоенные трудности. До этого исчезла Зоя Федорова, мы потеряли из виду Валю Киравану — я самую из «Машеньки». Ходили слухи, шепоты — криков не было. Назначилось беспокойство и рождался страх. Молодых актеров пригласили гастролировать в 1-ю группу войск в Германию. В Потсдаме я подумала: вот так победенные. В Бухенвальде я видела то, что рассказать нельзя. И понять нельзя.

— В 56-м году театр снова открылся, а в 57-м вы снялись в «Семье Ульяновых». Опасная была роль?
 — Я думала, «идеальная семья». Изучала документы в Институте марксизма-ленинизма, дневники Анны. У этой семьи был прекрасный дом. Каждый Ульянов имел свою комнату. Зачем им ЭТО было надо? И декабристам? А сейчас, как можно издеваться над телом.

(Любовь Сергеевна держит газету с изображением Ленина в стиле какого-то «арта»).

В России можно сказать только «Царствие Небесное...» и больше ничего о покойном. Никто не вечен, надо успеть быть добрее, совершеннее, соответствовать четку. Раз мы родились — должны расцветать.

— Какой была ваша «оттенель»?
 — Поездки, поездки, поездки. Франция и пол-Европы. Япония: бог, чистота и вежливость. Тоска по дому и уверенность, что русские — самые красивые люди.

— Самые?
 — Ну, может быть, после индусов. В Индии в 67-м меня принимал легендарный Радж Капур, спрашивал, что такое счастье. Тогда я знала, но счастье оказалось преходящим.

(Кирилослова: «Нар. арт. РСФСР с 77-го года»).

— А как получают звание?
 — Нормально. Пришла и получила. А вот народную СССР, в 91-м мне вручали... Янаев... 6 июня.

Я вошла в Кремль и почувствовала: БЛАГОСТЬ. Недаром царь выбрал это место. В Георгиевский зал, мимо икон, святых и священцев — я плясала от счастья: такое совершенство. А когда гуляла по Кремлю, я как взлетела, такое ощущение невесомости, раскрепощенности. Я думала, надо, чтобы все-все могла это видеть, гордиться, любить свою землю, знать, что мы можем; какой мы талантливый народ.

Вместе со мной, из кинематографистов, награды получили и Георгий Жиженов, и Роман Быков, и Нина Чурикова. Янаев вышел и сказал, что Горбачев не может. И вручил. Я сначала растерялась, а потом сказала: «Пройдет время, и мы уйдём навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир наступит на земле, в поминут добрым словом и благословит тех, кто живет теперь...» Это Ольга. «Три сестры».

— Это было в июне, а 19 августа я ничего не понимала. Металась у телевизора «ой, что они делают». Запретили новости с вичукой идти к Белому дому. Я боялась. Я даже думала: все — и Ульяновю играла, и Янаев награждал, теперь (показывает рукой вокруг себя) — «зачем?» «вздернуть».

— А ваши зрители, они на какой стороне баррикады?
 — Мои зрители приходят на встречи, говорят «спасибо, что вы есть». Улыбается. Это высокая оценка. Их радость — то мгновение, которое я мечтаю остановить. Они не спрашивают «ты за кого?». Никто не ангел, мы Христа распяли. Но мне 17-го год только в 60 лет вернуло, когда я поняла тех, кто все потерял. И теперь свои прищипки выбито изпод ног. Но: «О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить!»

— В нравлении можно найти спасение. Но призывают ли сегодня?
 — Записываюсь на радио «Свобода» у Юлия Пяничка... Читаю композицию по повести Сергея Каледина «К тебе прибегаю...» Готовилась и в съемках у Василья Пяничка в «Бульдозерном романе» по роману Людмила «Ступай и не трясись». Снялась в ролике-клипе «Дни-с-полна Андрея Ростоцкого».

(Словарь нечестная — год выпуска 84-й). Вопрос без подкачки:
 — Вы смотрели сериалы?
 — Не смотрю. Озвучили фальшиво. Беседу велла АЛИСА ХМЕЛЬНИЦКАЯ.